

The background of the cover is a photograph of a large, ancient stone fortress or castle built on a steep, rocky hillside. The architecture features thick walls, small arched windows, and a prominent tower-like structure on the left. The lighting is dramatic, with strong shadows and highlights, suggesting a sunset or sunrise. The overall color palette is dominated by earthy tones like brown, tan, and dark red.

М. Б. Руденко

Очерки
Средневековой
КУРДСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АЗИАТИКА

Серия «Азиатика»

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS
ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF PHILOLOGY

M. B. Rudenko

**ESSAYS ON MEDIEVAL
KURDISH LITERATURE**

**Preparation of the manuscript for publication,
preface, comments, and indices
by Zh. S. Musaelyan**

SUPPLEMENT

**M. B. Rudenko. Materials and outlines for the lecture
«The Kurds: Everyday life, customs, habits, and culture»**

Contrast
St. Petersburg
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

М. Б. Руденко

ОЧЕРКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУРДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Подготовка рукописи к изданию,
предисловие, примечания, указатели
Ж. С. Мусаэлян

ПРИЛОЖЕНИЕ

**М. Б. Руденко. Материалы и наброски для лекции
«Курды: Быт, нравы, обычаи и культура»**

Контраст
Санкт-Петербург
2014

ББК 83.3(5)4
P83

*Утверждено к печати на заседании
Ученого совета Института восточных рукописей РАН*

Руденко, М. Б.

P83 Очерки средневековой курдской литературы / Подготовка рукописи к изданию, предисловие, примечания, указатели Ж. С. Мусаэлян; приложение: М. Б. Руденко. Материалы и наброски для лекции «Курды: Быт, нравы, обычаи и культура». — СПб.: Контраст, 2014. — 280 с. — (Азиатика).

ISBN 978-5-4380-0088-4

М. Б. Руденко (1926–1976) — востоковед-курдолог, переводчик, основоположник нового направления в курдоведении — изучения средневековой литературы на диалекте курманджи по рукописным памятникам. Настоящее издание представляет собой курс лекций, прочитанный М. Б. Руденко на восточном факультете Ереванского университета в 1970 г.; содержит как общие сведения о курдах и Курдистане, так и обзор творчества поэтов XIV — начала XIX в., писавших на диалектах курманджи и горани.

В приложении публикуются материалы для лекции «Курды: быт, нравы, обычаи и культура» (1970), в которой М.Б. Руденко описывает собственные наблюдения, сделанные в 1950–1960-х гг. в курдских селениях Армении, Грузии, Средней Азии.

ББК 83.3(5)4

Rudenko, M. B.

Essays on Medieval Kurdish Literature / Preparation of the manuscript for publication, preface, comments, and indices by Zh. S. Musaelyan; Supplement: M. B. Rudenko. Materials and outlines for the lecture «The Kurds: Everyday life, customs, habits, and culture». — St. Petersburg: Contrast, 2014. — 280 p. — (Asiatica).

Margarita B. Rudenko (1926–1976) was an orientalist, expert in Kurdish studies, translator, the founder of a new direction in Kurdology — the exploration of Medieval literary manuscripts written on the dialect of Kurmanji. The present edition is a course of lectures delivered by M. B. Rudenko at the Yerevan University Faculty of Oriental Studies in 1970. It contains general information about the Kurds and Kurdistan, as well as a survey of creative work of poets writing in the 14th – early 19th centuries on the dialects of Kurmanji and Gorani.

In the supplement there are published materials for a lecture entitled «The Kurds: everyday life, customs, habits, and culture» (1970), in which the author describes her own observations made in the 1950–1960s in Kurd villages of Armenia, Georgia and Middle Asia.

© М. Б. Руденко, 2014

© Контраст, 2014

© Институт восточных рукописей РАН, 2014

© С. В. Лебединский, оформление, 2014

ISBN 978-5-4380-0088-4

О научном наследии М. Б. Руденко

Имя Маргариты (Сэды) Борисовны Руденко широко известно в отечественном и зарубежном востоковедении. Обладая ярким талантом, неиссякаемой энергией и темпераментом, неистощимой работоспособностью, безграничной преданностью науке, она за свою короткую жизнь успела сделать столько, что кажется непосильным осуществить одному человеку. Она создала новое направление в курдоведении — изучение курдской средневековой литературы по рукописным памятникам. Большой вклад М. Б. Руденко внесла и в исследование курдского фольклора и этнографии.

Маргарита Борисовна Руденко родилась в г. Тбилиси 9 октября 1926 г. в семье известного ученого-грузиноведа, автора грамматики грузинского языка, переводчика с грузинского «Висрамиани» Б. Т. Руденко. От отца она унаследовала блестящие способности к изучению языков, от матери — пианистки — любовь к музыке (она прекрасно играла на рояле).

Детство М. Б. Руденко прошло в столице Грузии, затем семья переезжает в Ленинград. В годы Великой Отечественной войны они с матерью эвакуируются в Тбилиси, отец остается в осажденном Ленинграде, где он умирает во время блокады в январе 1942 г.

После окончания войны М. Б. Руденко возвращается в Ленинград и в 1946 г. поступает на кафедру иранской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета, который заканчивает в 1951 г.

Уже в годы учебы в университете она проявляет интерес к изучению курдской культуры и языка, который на их курсе преподавал видный курдовед К. К. Курдоев. В архиве М. Б. Руденко¹ сохранилась

¹ В 1986 г. сын М. Б. Руденко Б. А. Аркадьев передал в ЛЮ ИВ АН СССР архив ученого (Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 150), к сожалению, до сих пор не обработанный. Пользуюсь случаем выразить благодарность сотрудникам Архива востоковедов,

ее дипломная работа «Глагольные формы в условных предложениях в современном языке курманджи»², за которую на ее защите она удостоилась высшей оценки руководителя К. К. Курдоева и оппонента — известного ираниста М. Н. Боголюбова. Несмотря на то что эта работа была выполнена еще в студенческие годы и с тех пор наши знания по курдской грамматике обогатились новыми сведениями, она до сих пор не утратила своего значения.

Маргарита Борисовна готовилась стать курдоведом-лингвистом. Однако когда в 1951 г. она поступает в аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, ее внимание привлекает поэма выдающегося курдского поэта XVII в. Ахмеда Хани «Мам и Зин». В связи с этой темой нельзя не вспомнить академика И. А. Орбели, интересовавшегося поэмой на протяжении всей своей жизни. В своих статьях и выступлениях он неоднократно возвращался к этому памятнику курдской классической литературы. И. А. Орбели первый оценил и определил художественное и идейное значение поэмы Ахмеда Хани, подчеркивал, что она создана на основе оригинального курдского фольклорного сюжета, отмечал во все времена теснейшую глубокую и органичную связь литературы и фольклора. Выступая в конце 1954 г. на защите кандидатской диссертации М. Б. Руденко в качестве главного оппонента, И. А. Орбели говорил: «К Ахмеду Хани мои личные симпатии росли и множились уже на протяжении 43 с лишним лет, и я рад, что дожил до того дня, когда поэма Ахмеда Хани значится как тема кандидатской диссертации в Академии наук». И далее: «В истории литературы Востока очень немного литературных произведений, написанных давно, написанных за много веков до нас, в которых в такой мере выражены были бы национальные черты, национальные и народные устремления и формулировка высших основ этики данного народа. У Ахмеда Хани как раз эта сторона звучит очень ярко, изумительно воспета. Вы можете мне сказать, что не только у Ахмеда Хани. Вы можете сказать, что в значительной мере эти же мысли выражены в “Витязе в барсовой шкуре” Руставели, где он

особенно [Н. Д. Путинцевой], за предоставленную мне возможность ознакомиться с материалами архива М. Б. Руденко.

Предварительно эти материалы можно разделить на следующие разделы: 1. Монографии. 2. Статьи и доклады. 3. Рецензии. 4. Письма. 5. Документы и деловые бумаги. 6. Выписки, заметки, наброски. 7. Отдельная папка с материалами об отце Маргариты Борисовны — Б. Т. Руденко. По своему содержанию архивные материалы относятся к разным областям курдоведения — литературе, фольклору, этнографии, языкознанию.

² Т. е. в диалекте курдского языка (курманджи).

говорит о дружбе. Тем лучше. Значит, эти черты свойственны и курдскому народу и некурдскому, но которые с такой ясностью и четкостью выразил только Ахмед Хани. Другого примера из литературы я вспомнить не могу»³.

Тогда же И. А. Орбели признался, что он очень сомневался, узнав о теме диссертации, поскольку поэма так трудна, что сам он не решился бы дать ее молодому исследователю. Но все опасения оказались напрасными, и И. А. Орбели от души поздравил диссертанта и руководство (в лице К. К. Курдоева), подсказавшего М. Б. Руденко тему исследования⁴.

Впервые в мире поэма Ахмеда Хани «Мам и Зин» была переведена на другой язык, и этим языком стал русский. Около 3000 бейтов, глубоких по художественному и философскому смыслу, насыщенных иносказаниями и аллегорией, потребовали от начинающего ученого большой эрудиции, прекрасного знания курдского, персидского, арабского языков, хорошего эстетического вкуса. Ведь в свое время ввиду трудностей от перевода отказался такой крупный ученый, как М. Хартман. М. Б. Руденко оказалась первопроходцем. Надо учесть, что в то время (в середине 50-х гг.) отсутствовали какие-либо доступные курдские словари (кроме курдско-французского словаря А. Жаба). В архиве М. Б. Руденко хранятся исследование, транскрипция текста, сделанного с алеппского издания, перевод, фольклорные варианты поэмы «Мам и Зин».

В этот же период М. Б. Руденко узнает от А. Л. Троицкой о существовании в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина коллекции курдских рукописей, собранных русским консулом в Эрзеруме в середине XIX в. А. Д. Жаба. Можно сказать, судьба послала М. Б. Руденко большую удачу: не каждому ученому выпадает счастье сделать открытие, которое станет впоследствии делом всей его жизни. И Маргарита Борисовна с присущей ей энергией с полной отдачей принялась знакомиться с коллекцией. В 1957 г. М. Б. Руденко опубликовала в Трудах Государственной публичной библиотеки научное описание курдских рукописей⁵.

Курдские рукописи имеются во многих библиотеках Запада и Востока, но лишь немногие из них отмечены в каталогах и описа-

³ СІІБФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Руденко М. Б. Коллекция А. Д. Жаба (курдские рукописи) // Труды Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957. Т. 2. С. 165–184.

ниях. Что касается курдских рукописей, хранящихся в библиотеках Востока, то они в тот период совершенно не были отражены в научной литературе. В 1961 г. М. Б. Руденко издает «Описание курдских рукописей ленинградских собраний»⁶ — первый в истории курдоведения каталог рукописей. Помимо 54 рукописей Публичной библиотеки в каталог были включены несколько курдских рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения, из которых три были взяты из коллекции А. Д. Жаба, а остальные получены от русских востоковедов В. В. Вельяминова-Зернова, Б. А. Дорна и др. Эта работа, ставшая значительным событием в истории изучения культуры курдского народа, принесла М. Б. Руденко широкую известность. В письме из Парижа видный курдский ученый Бедыр-хан высоко отозвался о книге Маргариты Борисовны, имевшей большую ценность для изучения богатой курдской культуры. «Эта работа, — писал он, — открыла двери к сокровищам, хранящимся в собраниях Ленинградской государственной Публичной библиотеки».

Вслед за описанием курдских рукописей М. Б. Руденко начинает систематическое их изучение. Она вновь возвращается к «Мам и Зин» Ахмеда Хани. Ведь в коллекции находились 9 рукописей поэмы, то, что И. А. Орбели безуспешно искал всю свою жизнь.

В 1911–1912 гг. в Моксе в Турции И. А. Орбели услышал сказание «Мам и Зин», там же он впервые услышал об Ахмеде Хани и на основании небольших отрывков в исполнении курдских певцов и сказителей Иосиф Абгарович интуитивно понял величие Ахмеда Хани, сделал настолько верные высказывания о его поэтическом таланте, что до сих пор ни одно исследование, основанное на тщательном изучении источника, не обходится без того, чтобы не учитывать и не опираться на высказывания И. А. Орбели⁷. Как отмечает М. Б. Руденко, творчество Ахмеда Хани как в фокусе вобрало и отразило достижения лучших умов курдского народа. Одного только знакомства с творчеством Ахмеда Хани достаточно, чтобы понять, какой высокой культурой обладали курды. Если бы поэма Ахмеда Хани «Мам и Зин» была известна человечеству значительно раньше, то курды избежали бы несправедливого приговора как народу, лишенному всякой культуры, письменных традиций, своей национальной литературы⁸.

⁶ Руденко М. Б. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961.

⁷ Руденко М. Б. Очерки средневековой курдской литературы. С. 32.

⁸ Там же. С. 132.

На редкость образованный для своего времени человек Ахмед Хани владел персидским, арабским и турецким языками, хорошо знал поэтику, философию, богословие, разбирался в политической и социальной жизни страны. Он страдал за свою погрязшую родину, терзался, что другие народы прославлены своими поэтами, одни лишь курды остались прозябать во тьме бесправия и невежества, что курды теряют своих сынов в ненужных им войнах между Ираном и Турцией, терзался, что вражда раздирает курдские племена, которые не могут поэтому совместно отстаивать интересы родины, что курдский язык считается языком низким, презренным, недостойным, чтобы на нем создавались литературные памятники. Для разрешения этого невозможно пользоваться чужим языком — языком угнетателей и поработителей. Надо учить детей на родном курдском языке, ввести его преподавание в медресе. На свои средства Ахмед Хани построил медресе, где собирался провести эти реформы⁹. Необычайно прогрессивный человек, он поднялся до недостижимой высоты среди его современников. Ахмед Хани глубоко верил в талант и творческие силы своего народа, хорошо понимал необходимость тесной духовной связи с народом, без которой считал немислимой деятельность отдельных выдающихся личностей — поэтов, полководцев, ученых. Он создал свою поэму «Мам и Зин» на курдском языке в стремлении сделать его литературным, поставить на одном уровне с персидским, арабским, турецким, чтобы курдская литература получила широкое признание.

В связи с этим И. А. Орбели говорил: «...Один из величайших поэтов человечества Ахмед Хани замечательно указал на то, почему он считал своим долгом написать поэму на курдском языке. Эти слова Ахмеда Хани каждый из нас, кто занимается курдами, обязан помнить всегда. Он сказал, что мог бы написать свою поэму и на персидском, и на арабском языке для того, чтобы ее могли все читать, но он ее написал на курдском языке, чтобы люди не говорили, что курдам не свойственна культура»¹⁰.

Иосиф Абгарович мечтал, чтобы текст поэмы с переводом издать отдельной книгой, которая бы стала настольной для многих тысяч курдов не только в нашей стране, но и за рубежом. «Нет другого средства привлечь симпатии народа, — говорил он, — как проявлять внимание к его высоким культурным достижениям»¹¹. И свою

⁹ Там же. С. 133–134.

¹⁰ СГБФ АРАН. Ф. 909. Оп. 1. Ед. хр. 333. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 11.

книгу «Мам и Зин» Ахмеда Хани, вышедшую в 1962 г.¹², М. Б. Руденко посвятила светлой памяти И. А. Орбели.

Это была совершенно другая работа по сравнению с диссертацией, основу ее составляли критический текст, выполненный по девяти рукописям с вариантами разночтений, и переработанный перевод, вызвавший большой интерес многих советских поэтов-переводчиков, загоревшихся желанием сделать стихотворный перевод. Но никто из них не осуществил своих намерений, по-видимому, почувствовав, что для перевода нужен не меньший, чем у Ахмеда Хани, поэтический талант. Сама Маргарита Борисовна обладала поэтическим даром. В архиве сохранились образцы стихотворных переводов глав поэмы «Мам и Зин», выполненных ею.

В дальнейшем изданием критических текстов и переводов М. Б. Руденко открыла для науки ряд имен и памятников средневекового периода. Она издает поэму Факи Тейрана (XIV в.) «Шейх Сан'ан»¹³ и поэму Хариса Битлиси (XVIII в.) «Лейли и Меджнун»¹⁴. Но вершиной ее творческого успеха стала работа «Литературная и фольклорные версии курдской поэмы «Юсуф и Зелиха»», вышедшая из печати уже после ее смерти в 1986 г.¹⁵

Само имя автора поэмы Селима Слемана стало известно впервые благодаря коллекции А. Д. Жаба. Еще в работе «Описание курдских рукописей ленинградских собраний», сопоставляя поэму «Юсуф и Зелиха» с одноименной поэмой, приписываемой А. Д. Жаба Харису Битлиси — поэту XVIII в., М. Б. Руденко обнаруживает их текстуальную близость и на этом основании делает вывод, что, по-видимому, второе произведение не является оригинальным. Как она полагала, вероятно, автор переделал поэму Селима Слемана, упростив язык поэмы, изобилующий афоризмами и персизмами, приблизив его к народному, к живой курдской речи, заменив часть арабско-персидской лексики курдской. Уже тогда была проявлена существовавшая в XVIII–XIX вв. тенденция очищения курдского языка от арабско-персидской лексики.

¹² *Ахмед Хани. Мам и Зин / Критич. текст, пер., предисл. и указ. М. Б. Руденко. М., 1962.*

¹³ *Факи Тейран. Шейх Сан'ан / Критич. текст, пер., примеч. и предисл. М. Б. Руденко. М., 1965.*

¹⁴ *Харис Битлиси. Лейли и Меджнун / Пер., предисл. и примеч. М. Б. Руденко. М., 1965.*

¹⁵ *Руденко М. Б. Литературная и фольклорные версии курдской поэмы «Юсуф и Зелиха». М., 1986.*

Исследуя поэму Селима Слемана, а до этого изучив творчество Хариса Битлиси, М. Б. Руденко убедительно доказала, что вторая версия не принадлежит перу Хариса Битлиси, а переписчик стремился сделать ее доступной и понятной для курдского читателя. Интересно высказанное еще ранее М. Б. Руденко предположение, что в основу второй версии положена не рукопись А. Д. Жаба, а другая и что должна существовать промежуточная. Но где ее искать? Нет описаний коллекций. И вот, находясь в командировке в Ереване в 1967 г., М. Б. Руденко узнает, что в семье курдского писателя Али Абд ар-Рахмана, у его отца Абд ар-Рахмана Мамеда — выходца из Турции — находится рукопись, написанная арабским шрифтом, которую никто не может прочитать. К тому же в ней отсутствовали начало и конец. Это оказался фрагмент поэмы «Юсуф и Зелиха» (657 бейтов). Находка подтвердила ранее высказанную гипотезу и дала право предполагать, что, возможно, именно ереванская редакция легла в основу второй версии.

Таким образом, в истории курдской письменности было засвидетельствовано новое, до сих пор неизвестное явление — существование различных редакций одного литературного памятника. Заслуга выявления этого на основе тщательного текстуального анализа принадлежит М. Б. Руденко. Обнаружение ереванской рукописи явилось новым ценным открытием Маргариты Борисовны, может быть, не менее важным, чем открытие коллекций курдских рукописей, сделанное ею в начале научного пути.

В этой же работе М. Б. Руденко делает интересное наблюдение в области просодии: строки силлабо-тонических четверостиший, состоящие из восьми-семисложных стихов, перенесенные курдскими средневековыми поэтами в письменную литературу из фольклора, состоят из двух одноударных стоп с незакрепленным ударением, перемещение которого придает стиху особую ритмическую структуру. Обнаружение разноударных ритмических рисунков в пределах одного и того же размера аруза — важное наблюдение, поскольку в арабской и персидской формах аруза ударение не учитывается.

Работа «Литературная и фольклорные версии курдской поэмы «Юсуф и Зелиха»» вместе с текстами и переводом хранится в архиве. Успешно прошедшая в 1973 г. в Институте востоковедения в Москве защита докторской диссертации по этой теме свидетельствовала о новом, зрелом этапе развития научного таланта М. Б. Руденко. Своими работами она воссоздала целые разделы в истории средневековой курдской литературы. Имена поэтов Хариса Битлиси и Селима Слемана оставались не известными даже самим курдам.

Поэма последнего заполнила обширную лакуну в истории курдской литературы XVI в.

М. Б. Руденко не удовлетворялась лишь изучением письменных источников. Выявляя в своих работах тесную взаимосвязь и взаимовлияние курдской литературы и фольклора, Маргарита Борисовна постоянно интересовалась богатым и многообразным народным творчеством курдов. Ведь фольклор — первоисточник творчества, создавший фундамент курдской культуры, ее основу. Фольклор как бесценный кладезь народного таланта собрал и сохранил всё, что было открыто и изобретено бесчисленными и безымянными талантами. Маргарита Борисовна неоднократно совершала поездки в курдские районы Армении, Грузии, Азербайджана, Туркмении для записей и публикаций фольклорных вариантов изучаемых ею средневековых поэм, а также для сбора эпоса, сказок, пословиц, поговорок.

Еще в студенческие годы она записала сказки, перевод которых подготовила сразу же после защиты кандидатской диссертации. В архиве сохранилось письмо И. А. Орбели, где он просит издательство художественной литературы поддержать инициативу молодого ученого, поскольку весь этот интереснейший материал совершенно не знаком широкому кругу русских читателей и его издание порадует миллионы зарубежных курдов самим фактом проявления внимания к культурному наследию курдского народа.

Интерес к похоронным причитаниям возник у М. Б. Руденко при изучении памятников классической курдской литературы, засвидетельствовавших бытование причетов в далеком прошлом. Так, в поэме Ахмеда Хани «Мам и Зин» она обратила внимание на плач героини по своему безвременно ушедшему из жизни возлюбленному.

Хотя богатый курдский фольклор еще с середины XIX в. привлекал к себе внимание ученых, обрядовая поэзия, заметную часть которой составляют похоронные причитания, оставалась областью малоизученной. В работах А. Авдала¹⁶, Т. Ф. Аристовой¹⁷ и др. давалось описание погребального обряда, но не затрагивалась похоронная причесть.

В 1970 г. М. Б. Руденко впервые опубликовала 44 образца похоронных песен курдов-езидов Закавказья с русским переводом¹⁸,

¹⁶ Авдал Амин. Быт курдов Закавказья. Ереван, 1957 (на арм. яз.).

¹⁷ Аристова Т. Ф. Курды Закавказья: Историко-этнографический очерк. М., 1966.

¹⁸ Руденко М. Б. Похоронные песни курдов-езидов Закавказья // Палестинский сб. Вып. 21 (84). М., 1970. С. 70–86.

а в 1979 г. (посмертно) вышли из печати несколько курдских похоронных песен из собрания А. Д. Жаба¹⁹.

В октябре 1972 г. М. Б. Руденко удалось записать тексты похоронных плачей курдов-езидов Армении и Грузии и курдов-мусульман Армении и Азербайджана. При записи текстов она столкнулась с большими трудностями. Похоронные причитания у курдов, как и у многих других народов, относятся к числу сакральных, поэтому, возможно, из суеверного страха, как она отмечает, или же из нежелания вновь переживать горестные минуты, связанные со смертью, информанты отказывались исполнять их вне обряда. Тем не менее исследователю удалось записать 129 образцов (четверостиший, трехстиший, пятистиший) и пять сюжетных²⁰ похоронных песен со слов известных курдских исполнителей — таких как Ахмеде Аслан, Бедиль Тафур, Задэ Озман и др. — знатоков обрядов, обычаев, ритуалов во всех подробностях.

Вышедшая в 1982 г. (посмертно) книга «Курдская обрядовая поэзия»²¹ — первая крупная публикация текстов курдских причитаний. Все тексты даны в принятой в отечественном курдоведении латинской транскрипции, в прекрасном русском переводе, выполненном на высоком научном уровне, и снабжены необходимыми примечаниями, помогающими понять замысел и отдельные детали песни. В приложение включены некоторые езидские ритуальные тексты, связанные с погребальным обрядом. Приводятся список терминов, относящихся к погребальному ритуалу, список сказителей, указатель текстов и сказителей, библиография основных трудов, посвященных исследованию езидства.

Ценность работы состоит прежде всего в том, что она вводит в научный обиход собранные и записанные М. Б. Руденко похоронные плачи. Однако автор не ограничивается только этой задачей. В исследовательской части книги М. Б. Руденко излагает свои наблюдения в области их формы — структуры, метрики, художественных особенностей языка и стиля, показывает присущую им систему образов и символику, пишет о мотивах, происхождении и сущности похоронных причитаний.

На основе собранного полевого материала М. Б. Руденко предполагает, что «в основе происхождения похоронных плачей, как

¹⁹ Руденко М. Б. Несколько курдских похоронных песен из собрания рукописей А. Д. Жаба // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1973. М., 1979. С. 168–173.

²⁰ Термин «сюжетные» М. Б. Руденко вводит условно.

²¹ Руденко М. Б. Курдская обрядовая поэзия: Похоронные причитания. М., 1982.

и всей погребальной ритуальности, лежит сочетание двух основных моментов: скорбные чувства по поводу утраты близкого и страх перед таинственностью смерти, а впоследствии — с возникновением представления о загробной жизни — страх перед возможным нанесением вреда со стороны покойного и вытекающее отсюда стремление заручиться его благословением... Сочетание моментов ритуально-магического, эмоционального и этического определяет характер и содержание курдских плачей»²².

М. Б. Руденко дает первую условную классификацию похоронных песен, разделив их на два основных цикла — мужской и женский в зависимости от исполнителя и содержания. В причитаниях мужского цикла обычно говорится о доблести покойного, битвах, сражениях, воспеваются сыновняя, братская любовь, для них характерны героико-эпические элементы. В песнях отражены некоторые древние обряды и представления. Так, внутри мужского цикла М. Б. Руденко выделяет причитания, исполняемые во время старинного обряда *котэль* (вождение коня перед домом покойного, а затем по деревне). Эти песни имеют еще название *сйаро*; покойного называют всадником, в них присутствует какая-нибудь деталь обряда *котэль*. Как отметила исследовательница, сейчас этот обряд соблюдается только в отдаленных районах, а причитания, если в них нет прямого повествования о случившемся, часто исполняются и вне обряда, и тогда они воспринимаются как героические песни.

В причитаниях женского цикла М. Б. Руденко выделяет жалобы на одиночество, скорбь по поводу утраты, просьбы к покойному не покидать оставшихся в живых, желание уйти из жизни вместе с покойным и т. д.

Полевые исследования позволили автору монографии выявить еще две группы похоронных причитаний: это часть «чужбинных» песен, посвященных оплакиванию умерших на чужбине, внутри лирических песен (дылок) и сюжетные причитания, специально созданные на смерть выдающегося лица или в случае, если смерть произошла при не совсем обычных обстоятельствах (приводятся три записи). «Интересно, что причитания эти, хранимые в памяти их создателей, исполнялись без всякого изменения текста и по поводу смерти другого выдающегося лица. Так сложилась целая группа причитаний сюжетного характера, текст которых при всяком последующем исполнении старались сохранить по мере возможности в неизменном виде»²³.

²² Там же. С. 9–10.

²³ Там же. С. 16.

М. Б. Руденко подчеркивает, что для правильного осмысления многих причитаний необходимо знание не только конкретной обстановки, но и детальное знакомство с материальной и духовной культурой народа. Она определяет роль и место природы в курдских похоронных причитаниях, выделяет метафорические замены, употребляемые в текстах для обозначения слова «покойный», и отмечает сравнительно узкий круг табуируемых терминов, объясняемый отсутствием у курдов страха перед покойным.

Автор останавливается на характеристике языка причитаний, предельно лаконичных, с емкими образами, исключаящими длинные цветистые эпитеты; делает наблюдения в области метрики.

Сообщаемые М. Б. Руденко сведения касаются главным образом ритуала курдов-езидов. Однако она отмечает и некоторое различие в обрядах у курдов-езидов и курдов-мусульман. В процессе полевой работы ей почти не удалось собрать сведений о верованиях и представлениях курдов-езидов о душе и загробной жизни, поскольку езиды сохраняют в глубокой тайне всю свою систему религиозных представлений, что, по-видимому, и обусловило отсутствие в научной литературе достаточного количества материала и исследований в этой области.

В опубликованных текстах отражены элементы истории материальной культуры, древних обычаев, верований и культов. Эти поэтико-драматические произведения со свойственными им специфическими чертами, символикой и системой образов представляют большую художественную ценность.

Для М. Б. Руденко была характерна широта исследовательских интересов. Этнографические вопросы затрагиваются в ряде ее работ: о курдской свадьбе²⁴, о новогоднем празднике²⁵, о нравах и обычаях курдов²⁶ и др.

В 1962 г. М. Б. Руденко побывала у курдов Туркмении. По приезде она узнает о компактном проживании курдов на окраине Ашхабада и немедленно устремляется туда. Прекрасное знание языка позволило ей быстро установить контакты с простыми людьми. Она была принята в члены курдской семьи. Узнав, что Маргарита Борисовна приехала собирать песни, сказки, предания, один из курдов стал ее помощником. Результатом поездки стала публикация цикла

²⁴ Работа не опубликована.

²⁵ Руденко М. Б. Новогодние обрядовые празднества у курдов // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 118–124.

²⁶ Мела Махмуд Баязиди. Нравы и обычаи курдов / Пер., предисл. и примеч. М. Б. Руденко. М., 1963.

стихов — четверостиший Джафар-Кули, поэта, родившегося в конце XVIII в. в Бимгане (провинция Кучан). Его стихи распространены в устной традиции. Как гласит народное предание, они навеяны чувством любви Джафар-Кули к дочери богатого купца, отец которой не разрешил ей выйти замуж. Поэт стал бродячим певцом и отправился по селам Ирана. Всю жизнь он воспевал красоту своей возлюбленной. М. Б. Руденко удалось собрать 83 четверостишия Джафар-Кули²⁷.

Во время пребывания у туркменских курдов, сохранивших обычаи, нравы, обряды, характерные для иранских курдов, М. Б. Руденко совершила паломничество к могилам мусульманских святых Сейд-Джамала и Мухтара, а также почитаемого только курдами Бадж-Вака. Могилы находились возле развалин знаменитой мечети Аннау. Приглашение совершить паломничество Маргарита Борисовна получила от муллы, побывавшего в Кербеле. Обычай состоит в том, что когда у курдов кто-то болен, близкие родственники дают обет принести жертву какому-нибудь святому. И когда набирается три-четыре человека, желающих принести жертву, они вместе с семьями и родственниками отправляются совершить паломничество. В данном случае собралось 25–30 человек взрослых и несколько детей. Они несли жертвенных баранов и мешки со снедью. После совершения паломничества мулла пригласил М. Б. Руденко сесть рядом с ним на мужской половине, и она удостоилась есть с ним из одной тарелки. Такая честь не часто выпадает на долю женщины, да еще, не мусульманки.

С докладом о курдах Туркмении Маргарита Борисовна успешно выступила на заседании Восточной комиссии Географического общества СССР 16 января 1963 г.

Заслуживает внимания и неопубликованная статья «Некоторые поверья курдов и переднеазиатские традиции», рассказывающая о поверьях, связанных с днями недели, временем суток, с криком птицы, с огнем, радугой, с различными физиологическими проявлениями (подергивание века, чихание и т. д.), с едой, с приметами, относящимися к прибытию гостя. Описываются магические поверья (сглаз, амулеты, гадания), культ камней, праздники, поклонение святым местам, приводятся аналогии с поверьями соседних народов.

²⁷ Руденко М. Б., Мамедназаров А. Непубликованные стихи, приписываемые курдскому поэту Джафаркули // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С. 197–207.

В данном кратком очерке отражены лишь основные работы М. Б. Руденко. Однако многие вопросы, касающиеся средневековой курдской литературы, языка, фольклора, этнографии, затрагиваются в отдельных статьях: «К вопросу о курдской литературе»²⁸, «Неизвестные стихи Ахмеда Хани»²⁹, «Курдская литература XVII в.»³⁰, «Неопубликованные стихи курдских поэтов»³¹, «Курдские пословицы и поговорки»³², «Системы стихосложения в средневековой курдской классической поэзии на северном диалекте»³³, «Глагольная форма *gegu* в памятниках средневековой курдской литературы (на северном диалекте)»³⁴, «О некоторых орфографических особенностях курдских рукописей»³⁵, «О некоторых особенностях языка средневековой курдской литературы: (По материалам поэмы Селима Слемана «Юсуф и Зелиха»)»³⁶, «Отражение некоторых древних обрядов и представлений в современном курдском обрядовом фольклоре»³⁷ и др.

В 2006 г. М. Б. Руденко исполнилось бы 80 лет. Яркая представительница русской школы востоковедения, основоположница изучения курдской классической литературы, Маргарита Борисовна внесла огромный вклад в развитие отечественного курдоведения. Самоотверженно и влюбленно служила она науке, до последних дней не прекращая научной деятельности, готова к изданию книги «Литературная и фольклорные версии курдской поэмы “Юсуф и Зелиха”» и «Курдская обрядовая поэзия».

Еще в 60-х гг. на одном из заседаний курдской секции Союза писателей Армении, когда речь зашла об издании работ М. Б. Руденко на курдском языке в Ереване, один из писателей сказал: «Придет время, когда курдский народ воздвигнет этой женщине памятник». Лучший памятник себе она создала своими работами.

²⁸ Исследования по истории культуры народов Востока: Сб. в честь акад. И. А. Орбели. М.; Л., 1960. С. 433–440.

²⁹ НАА. 1961. № 3. С. 160–167.

³⁰ НАА. 1971. № 3. С. 93–105.

³¹ ВС. М., 1972. Вып. 3. С. 111–137.

³² Курдские пословицы и поговорки / Собрали и перевели К. К. Курдосв и М. Б. Руденко // Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961. С. 330–339.

³³ ПП и ПИКНВ. VI годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. М., 1970. С. 120–123.

³⁴ ПП и ПИКНВ. IV годич. науч. сессия ЛО ИНА. Л., 1966. С. 120.

³⁵ Иранское языкознание. М., 1981. С. 198–199.

³⁶ Иранская филология: Крат. излож. докл. науч. конф., посв. 60-летию проф. А. Н. Болдырева. М., 1969. С. 104–107.

³⁷ ПП и ПИКНВ. X годич. науч. сессия ЛО ИВ АН. М., 1974. С. 83–88.

Природный талант и ум, яркая индивидуальность, исключительное трудолюбие позволили Маргарите Борисовне Руденко многое сделать за свою недолгую жизнь, трагически оборвавшуюся 27 июля 1976 г.

. * * *

Особое место в архиве М. Б. Руденко занимает курс лекций по средневековой курдской литературе, прочитанный на восточном факультете Ереванского университета в апреле 1970 г. Такой курс лекций разрабатывался впервые не только в нашей стране, но и в истории курдоведения. В ходе исследования коллекции курдских рукописей, собранных А. Жаба на северном диалекте курманджи, делалось осмысление накопленных знаний о курдской классической литературе. Каково же содержание этих лекций?

Первая лекция посвящена общим сведениям о курдах и Курдистане. Исследуются причины представления о курдах в XIX в. как о народе бесписьменном, не имеющем своей литературы. Маргарита Борисовна приводит негативные оценки западных ученых (Г. Р. Драйвер) о курдской культуре, поскольку в то время еще не были известны рукописные литературные произведения. Русские исследователи (В. Диттель, А. Жаба, П. И. Лерх) впервые открыли существование курдской письменной литературы. М. Б. Руденко пишет об участии курдов в создании памятников мировой литературы от лица других народов, о вкладе курдских ученых в изучение своей культуры, начиная с конца XIX в.

Во второй лекции рассказывается о коллекции курдских рукописей, собранных в середине XIX в. одним из корифеев отечественного курдоведения — русским консулом в Эрзеруме А. Жаба и его верным помощником — курдским муллой и ученым Мела Махмудом Баязиди.

В третьей лекции дается периодизация курдской литературы: 1. Классическая (XI–XVII вв.); 2. Новая (XVIII–XIX вв.) и 3. Новейшая (XX в.). Специфику курдской литературы составляет ее неразрывная связь с фольклором. М. Б. Руденко останавливается на жанрах курдского народного творчества и системах стихосложения: силлабо-тонической и арузе.

Лекции № 4 и 5 посвящены раннему периоду классической курдской литературы, в частности, поэту Али Харири, писавшему на северном диалекте (курманджи). В связи со стихами Али Харири М. Б. Руденко заостряет внимание слушателей на проблеме суфизма и суфийской литературы, анализирует творчество Баба Тахира. Далес

переходит к Факи Тейрану (XIV в.) — основоположнику крупной литературной формы, автору поэмы «Шейх Сан'ан» и к поэту XV в. Мела Бате и его поэме «Мевлуд», посвященной рождению пророка Мухаммеда.

М. Б. Руденко подробно рассказывает о единственном известном нам произведении городской средневековой курдской литературы — поэме «Замбильфрош», о приписывании его А. Жаба перу Мела Бате. Отдельно рассматриваются творчество Мелае Джезири и версии о датах его жизни. Специальная лекция посвящена творчеству выдающегося поэта, гуманиста и просветителя XVII в. Ахмеда Хани и разбору его произведений: рифмованного арабско-курдского словаря «Ноубар», в котором даны переводы арабских слов на курдский язык, а также основы аруза, и поэмы «Мам и Зин».

В следующих лекциях говорится о последователях Ахмеда Хани — Мурад-хане Баязиди (XVIII в.) и приписываемой ему поэме «Замбильфрош» и Харисе Битлиси (XVIII в.) и его поэме «Лейли и Меджнун».

Последняя лекция посвящена литературному кругу при дворе арделанских правителей, писавших на диалекте горани (XVII–XVIII вв.).

Лекции занимают 324 рукописные страницы. Многие мысли и выводы рассеяны в изданных М. Б. Руденко работах. Однако здесь всё собрано воедино, сконцентрировано, подытожено. Эти лекции, иллюстрируемые примерами из курдской средневековой поэзии, могут стать ценным пособием по изучению курдской литературы.

Курс лекций по средневековой курдской литературе написан почти 40 лет назад, когда отечественное курдоведение в основном развивалось как лингвистическая наука. К тому времени, когда М. Б. Руденко писала лекции, история классической курдской литературы не была исследована, круг познаний ограничивался лишь отдельными поэтами. Все предположения и высказывания относительно датировки жизни поэтов, сделанные М. Б. Руденко на основании изучения курдских рукописей, носят предварительный характер и никак не могут считаться окончательными. Это первый опыт ознакомления с теми наблюдениями и открытиями, которые удалось сделать в 50–60 гг. XX в. в области письменной курдской литературы на северном диалекте (курманджи).

Между тем в последующие десятилетия курдские ученые не оставались безучастными к публикации памятников и изучению

курдской средневековой литературы. Здесь нужно отметить ряд работ: *Feqê Teyran. Şêx Sen'an. Çarê oryinal*: Dr. M. B. Rudenko. Werger: (bo tipên latini) Memo Yetkin. Stockholm, 1986; *Mem û Zîn Ehmedê-Xanî*. Turkşesi: M. E. Bozarşlan. Istanbul, 1968; монография известного курдского поэта и филолога Абдуль Рахмана Шарафканди (Хажара) о творчестве Мелае Джезири

دیوانی عارفی ربانی شیخ احمدی جزیری مه شهور به مه لای جزیری.
هه ژار شرخی کردووه. تهران، ۱۳۲۱/۱۹۸۲؛

диван Мелае Джезири, изданный курдским ученым-литературоведом Садиком Бахааддином Амеди в Багдаде в 1977 г.

دیوانی مه لایی جزیری، نوێژاندانا صادق بها الدین الامیدی، به غداد، ۱۹۷۷؛

комментируемый текст «Мам и Зин» Ахмеда Хани и переложение его на диалект горани Хажара.

نه همه دی ختی، مه م و زین ناماده کردن و په راویز نویسینی هه ژار پاریس، ۱۹۸۹

Несколько особняком стоит небольшая лекция о литературе на диалекте горани. По-видимому, целью М. Б. Руденко было ознакомить слушателей хотя бы вкратце со сведениями о наличии у курдов не только диалекта курманджи, на котором представлены рукописи из коллекции А. Жаба, но и других диалектов, которые в 60-х гг. прошлого века лишь начинали изучать в нашей стране. М. Б. Руденко в данной лекции использовала доступные в тот период у нас материалы. Еще шли споры о принадлежности горани к курдским диалектам (см. работы английского ираниста Д. Н. Маккензи: Курманджи, курды и гурани // Народы Азии и Африки. 1963. № 1. С. 162–170; *MacKenzie D. N. Some Gorani Lyric Verse // BSO(A)S. Vol. XXVIII. P. 2. 1956. MacKenzie D. N. Kurdish dialect Studies. Vol. 2. L., 1962; MacKenzie D. N. The dialect of Awroman (Hawraman-i Luhon). Kobenhavn, 1966).*

На диалекте горани создана богатейшая литература. См. *Kurdische Handschriften. Beschrieben von Kamal Fuad. Wiesbaden, 1970; Хазнадар М.* Очерк истории современной курдской литературы. М., 1967; труды известного курдского ученого М. Мукри, опубликовавшего рукопись фольклорной версии поэмы «Бижан и Маниджа» на горани и рукописные памятники религиозного содержания (см. Список использованных источников и литературы, с. 226–227); работа Анвара Кадыра Мухаммеда (*Anwar Kader Muhammad. The Lyrics of Mawlawi: The great Kurdish poet (1806–1882). Stockholm, 1990*); *Antology of Gorani Kurdish poetry. Compiled by A. M. Mardoukhi (1739–1897) / Ed. by Anwar Soltani. L., 1998* и др.

* * *

Нумерация лекций дана лишь в начале работы (до пятой), так что пришлось отказаться от нее и от названия «Курс лекций по средневековой курдской литературе», а ввести в работу разделы с заголовками, как они представлены в рукописи, и изменить название на «Очерки средневековой курдской литературы».

В плане лекций, составленном М. Б. Руденко, значится рассмотрение поэмы «Юсуф и Зелиха», принадлежащей перу поэта княжества Хизан Селима Слемана (XVI в.), но эта важная лекция о неизвестном ранее поэте, закрывавшем лауну в истории курдской литературы, к большому сожалению, отсутствует. Возможно, Маргарита Борисовна ее изъела при подготовке к изданию одноименной работы. К тому же по плану М. Б. Руденко предполагала прочитать специальные лекции (1. «Литература курдов Хорасана. Романтические поэмы. Джафар-Кули — народный поэт»; 2. «XVIII в. — начало упадка литературы на курманджи и зарождение литературы на сорани»), которых также нет в рукописи.

В лекциях присутствует разговорный стиль, что и понятно, так как М. Б. Руденко часто обращается к слушателям и сообщает, что стало известно нового за последнее время в области изучения курдской классической литературы.

Автору работы приходилось испытывать трудности с определением датировок жизни поэтов. Так, например, в тот период еще не было изучено творчество Мела Джезири. М. Б. Руденко приводит мнения трех ученых, дающих разные датировки жизни поэта (А. Жабба — XII в., Седжади — XV в., В. Ф. Минорский — конец XV в.). Маргарита Борисовна не склоняется ни к одной из них, поскольку нужно тщательно изучить творчество Мела Джезири, проделать текстологическую работу, чтобы определить, какие строки принадлежат перу Джезири, а какие представляют позднюю интерполяцию. Автор писала: «Мела Джезри... представляет для нас еще закрытую книгу, полную неожиданностей и тайн. Прочсть ее предстоит будущему исследователю, который раскроет ее смысл и сделает ее достоянием человечества»³⁸. Такую работу проделали К. Р. Эйюби и И. А. Смирнова изданием в 1994 г. книги «Мулла Ахмед Джезири. Диван газелей», сумев в своем исследовании установить более точное время жизни поэта.

³⁸ Руденко М. Б. Очерки средневековой курдской литературы. С. 131.

В рукописи М. Б. Руденко отсутствуют сноски на цитируемую литературу, что создавало трудности при подготовке работы к изданию. В результате все источники удалось установить (см. примечания).

В иллюстрируемых примерах Маргарита Борисовна в основном дает текст без перевода (это касается разделов «Мела Бате», «Замбильфрош», «Мела Джизри», «Факи Тейран»); в разделе «Ахмед Хани» нет последовательности: либо дается текст, либо указываются номера цитируемых бейтов (без перевода); то же в разделе «Харис Битлиси». В разделе «Арделанская литература» есть перевод, но нет текста. В подготовленной к изданию работе приводится единая система подачи цитируемых примеров: текст и перевод. В примечаниях указываются сведения о тексте и переводе.

Некоторые пояснения к тексту рукописи М. Б. Руденко даны в подстрочных примечаниях.

К работе прилагаются указатели: имен и династий, географических и топографических названий, непереведенных слов и терминов, этнических названий, названий произведений курдских авторов, а также список использованных источников и литературы.

В Приложении публикуются «Материалы и наброски для лекции: “Курды: Быт, нравы, обычаи и культура”»³⁹, представляющие определенный интерес. Лекция, прочитанная М. Б. Руденко в лектории Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР в 1970 г., включает вопросы: территория расселения курдов, численность (сведения на период написания очерка), природа, климат, происхождение, легенды о происхождении, обычаи, быт, нравы, религия, устройство жилища, занятие, курдская женщина; прослеживаются все этапы жизни человека: рождение, свадьба, похороны; праздники.

Говоря о характере курдов, во многом определившемся условиями их жизни, сумевших в трудных условиях сохранить относительную независимость и национальное достоинство, М. Б. Руденко высказывает любопытное суждение: «О курдах можно сказать, что это народ суровый, но отнюдь не жестокий, гордый, но не надменный, добродушный, но не сентиментальный, искренний и простодушный и в то же время до тонкости проницательный и наблюдательный, как в повседневной жизни, так и в своих мироощущениях»⁴⁰. Врожденные качества собственного достоинства и национальной гордости порождают и другие национальные черты: безграничную

³⁹ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 150 (не обработанный).

⁴⁰ См. Приложение к настоящему изданию. С. 234.

храбрость, мужество, прямоту и бесстрашие во всем. На поле боя курды не знают равных в храбрости и отваге. Только лицом к врагу — таков девиз курдов. Горе тому, кто повернется спиной к врагу. До конца жизни он будет посмешищем для окружающих, а во время трапез ему будут подавать перевернутую пиалу. Даже близкие перестанут разговаривать с ним. Пасть смертью героя — мечта каждого курда, и в курдских старинных песнях часто можно услышать, как мать желает сыну лучше пасть в сражении, чем умереть в собственной постели.

Другая отличительная черта курдов — редкое гостеприимство, прославившееся на Востоке. В глазах курда не принять гостя или допустить, чтобы в его доме гостю была нанесена малейшая обида или оказано недостаточное внимание, не меньший позор, чем бегство с поля брани.

Маргарита Борисовна отмечает ряд других обычаев курдов: неслыханным позором считается непочтительное отношение к пожилым и старым людям и вообще к старшим, а также необычайная память, особенно зрительная и др.

Говоря об устройстве жилища, автор уделяет особое место очагу, имеющему у курдов, можно сказать, магическое значение: с ним связаны благополучие, счастье и богатство семьи.

Интерес представляет описание праздника — обряда обрезания у курдов-мусульман — выходцев из Ирана, на котором М. Б. Руденко довелось присутствовать в начале 60-х гг. XX в. Она описывает увиденный там редко исполняющийся воинственный танец с палками, производящий впечатляющее зрелище, а также своеобразное состязание курдских певцов.

М. Б. Руденко рассказывает и о курдской свадьбе, на которой сама не раз бывала, присутствовала на разных ее этапах. Подробно описывает сложную церемонию заключения брачной сделки, длящейся иногда больше года, приготовления к свадьбе, обычай похищения подушки невесты. В заключение повествует о празднике, связанном с переодеванием мужчин в женскую и женщин в мужскую одежду, о выборах «ложного эмира», о празднике в честь пророка Хыдыра (Хызра), который празднуется и мусульманами и езидами, считавшегося олицетворением вечной жизни, молодости и покровителем скота. Интересны также весенние и осенние скотоводческие праздники.

Лекция «Курды: Быт, нравы, обычаи и культура» представляется незавершенной. К тому же Маргарита Борисовна не касается заявленной в названии культуры курдского народа. Однако ценно то,

что в этой работе М. Б. Руденко описывает всё, что она сама увидела, наблюдала, прочувствовала и пережила, чему была свидетельницей. В 50–60-е гг. она неоднократно бывала в курдских селениях Армении, Грузии, Средней Азии. Несомненно, автор привлекает и другие исследования по поставленным ею вопросам, но в работе не приводится ни одной ссылки. (В примечаниях к лекции даются ссылки на некоторую установленную литературу.)

Материалы этой лекции, как и «Очерки средневековой курдской литературы», проникнуты большой безграничной любовью, признательностью, симпатией, искренними чувствами к курдскому народу, которые Маргарита Борисовна Руденко питала на протяжении всей своей творческой жизни.

* * *

Приношу свою искреннюю признательность О. Ф. Акимушкину и З. А. Юсуповой за ценные советы и замечания, а также Б. В. Норрику за помощь при подготовке работы.

Ж. С. Мусаэлян

ВВЕДЕНИЕ

Курды — один из древнейших народов, игравших столь большую и важную роль в жизни стран Ближнего Востока. Научный интерес к курдам возник уже очень давно — немногим менее двух столетий. Однако следует отметить, что до последних лет курдоведение развивалось преимущественно как наука лингвистическая, о значительных достижениях которой свидетельствуют многочисленные труды советских и зарубежных специалистов-курдоведов.

Что же касается письменной курдской литературы, то тут дело обстоит плохо, катастрофически плохо. Памятники курдской письменной литературы оставались долгое время вне поля зрения исследователей. И лишь за последние годы, главным образом благодаря коллекции курдских рукописей русского консула в Турции Александра Жаба, удалось узнать ряд новых имен курдских поэтов, выявить неизвестные до сих пор памятники, составить предварительные очерки курдской литературы XVII и XVIII столетий.

Всё это сделало возможной и нашу с вами встречу, цель которой заключается в том, чтобы сообщить вам всё то (правда, пока еще очень немногое), что стало известно за последние годы в области средневековой курдской литературы на северном диалекте. Вы сами уже, вероятно, понимаете, что на данном этапе еще и говорить не приходится ни о какой истории курдской литературы¹ в полном смысле этого слова (сначала должна быть создана история курдов², которая еще не написана), ибо пока что пробелов у нас больше, чем самих сведений, и, следовательно, все предположения и высказывания носят очень предварительный характер и никак не могут считаться окончательными.

¹ Краткие очерки курдской литературы, написанные М. Б. Руденко, вышли из печати уже после ее смерти в «Истории всемирной литературы» (М., 1987. Т. 4. С. 400–403; 1988. Т. 5. С. 475–477; 1989. Т. 6. С. 697–699; 1991. Т. 7. С. 615–616).

² История Курдистана. Авторы: М. С. Лазарев, Ш. Х. Мгоян, Е. И. Васильева, М. А. Гасратян, О. И. Жигалина. М., 1999.

Это первый опыт ознакомления аудитории с теми наблюдениями и открытиями, которые удалось сделать за последние годы в области письменной курдской литературы на северном диалекте.

Вместе с тем я очень рада вам сообщить, что подобный курс (я имею в виду литературу на северном диалекте) ставится впервые в истории, и ставится он именно у нас, в нашей стране, где так много внимания уделяется изучению и исследованию духовной культуры курдов. Оговорку о северном диалекте я сделала не случайно. Дело в том, что в Багдадском университете при филологическом отделении (отделение литературы) в 1959 г. было открыто курдское отделение, где курдскую литературу читали такие известные личности, как Ала ад-дин Седжади³ и Абдулла Горан. Отделение это существует и поныне. Преподают там ученые, получившие образование в Советском Союзе. Однако курс, который читают там, отличается от нашего: он охватывает главным образом литературу на южном диалекте⁴, т. е. литературу, которая начала развиваться только с XVIII в.

Знаменательно, что начало нашего курса оказалось приуроченным к тем большим и радостным событиям, которыми отмечен 1970 г. нашего столетия⁵.

Надо сказать, что история курдской литературы не только не исследована, не только не вскрыты закономерности ее развития, не изучено творчество отдельных поэтов — об этом пока и говорить не приходится. Круг наших познаний в этой области ограничивается отдельными поэтами, все сведения о которых нередко сводятся к одному лишь имени и одному-двум образцам из их произведений.

Почему же так случилось, что курдская литература до сих пор не заняла полагающегося ей по праву места в ряду литератур Ближнего Востока и Закавказья?

Виною тому, конечно, прежде всего исторические условия, которые складывались не в пользу курдов, не имевших своего государства и в качестве многих веков вынужденных отражать натиск соседних государств — Ирана и Турции.

Несомненно, в силу этих исторических условий случилось так, что, по словам академика И. А. Орбели, «курдский народ растерял своих сынов под обличьем персов, турок, арабов, армян, растерял

³ В отечественном курдоведении встречается Саджади и Суджади, здесь оставлено написание М. Б. Руденко.

⁴ На южном диалекте (сорани).

⁵ Имеется в виду празднование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

сынов, имена которых в качестве имен славных полководцев, поэтов и музыкантов украшают историю других народов»⁶. То есть те талантливые курдские деятели, которые должны были вложить свое творчество в сокровищницу духовных ценностей курдского народа, выступали от лица и имени других народов, и, таким образом, вклад оказался навсегда утраченным для курдов.

Давайте теперь обратимся к курдским ученым и посмотрим, что же сделали сами курды для изучения своего литературного наследия. Несомненно, курды, по-видимому, стали уже издавна проявлять интерес к памятникам своей литературы, но, к большому сожалению, сведений об этом у нас очень мало, и относятся они к довольно позднему периоду. Так, судя по дошедшим до нас данным, первое издание курдского литературного памятника появилось в Стамбуле в 1897 г. и называется он: «الهدية الحميدية في اللغة الكردية» («Похвальное руководство для курдского языка»). Книга эта содержит отдельные стихи выдающегося курдского поэта XVII в. Ахмеда Хани, его же арабско-курдский словарь в стихах, который называется «Ноубар» («Первый плод»), и сборник стихотворений одного из поздних подражателей Ахмеда Хани — Мухаммада Хазина Халиди Накшбанди. Издателем книги был крупный курдский политический деятель и ученый, внук Халиди Накшбанди Юсуф Зейя ад-дин Паша Халиди. Кроме того, в этой же книге напечатана «Грамматика курдского языка» самого Юсуфа Зейя ад-дина Халиди. О том, были ли до этого какие-нибудь издания, посвященные курдской классической литературе, у нас сведений нет.

В период с 1900 по 1919 г. наступает некоторое затишье в курдской издательской деятельности. В основном печатались периодические сборники, выпускались также отдельные брошюры, небольшие сборники стихов, но достоверных сведений об этих изданиях не сохранилось.

В 1919 и 1920 гг. в Стамбуле вышел сборник в трех частях под названием «گازی ولات» («Зов Родины»), где были помещены стихотворения некоторых средневековых и современных курдских поэтов. Затем появились издания поэмы Ахмеда Хани «Мам и Зин», дивана стихов Мела Джезири (Стамбул, 1924) и др. Позднее появляются работы курдских исследователей, таких как Ала-ад-дин Седжади (История курдской литературы. Багдад, 1952), Гив Мукриани — издатель диванов ряда поэтов XIX в. на диалекте сорани,

⁶ Орбели И. А. Предисловие и введение к книге «Памятники эпохи Руставели» // Орбели И. А. Избр. труды. Ереван, 1963. С. 574.

Рафик Хильми (Курдская поэзия и литература. Багдад, 1952), Абд ас-Салам Лутфи (Высказывания о курдской литературе. Багдад, 1945) и др.

Краткие сведения о некоторых курдских поэтах содержатся в трудах курдских историков Рашида Ясеми и Амина Заки. Не буду перечислять всего списка трудов курдских исследователей, посвященных истории курдской литературы. К тому же он всё равно был бы далеко неполным, ибо мы располагаем немногими курдскими изданиями. Упомяну лишь тех исследователей, которые внесли значительный вклад в историю изучения курдской литературы. Это уже упомянутый Юсуф Зейя ад-дин Халиди, братья Бедыр-ханы Джеладет и Камуран — талантливые ученые и политические деятели, авторы ряда ценных работ по языку, истории и литературе курдов Гив Муриани, Ала ад-дин Седжади, Рафик Хильми, Керим Шараф, Мухаммед ал-Халь, Абд ар-Рахман Сейид и Мухаммед Мела Керим. Следует, однако, отметить то обстоятельство, что большинство этих ученых, за исключением братьев Бедырханов, уделяли основное внимание вопросам истории курдской литературы конца XVIII — начала XIX в., литературе на южном диалекте сорани. Так, в объемистом томе Седжади, насчитывающем около 650 страниц, всего 50 страниц посвящено двум курдским поэтам, писавшим на курманджи⁷ — Мелае Джезири и Ахмеду Хани.

С другой стороны, большинство работ представляют собой либо издания дивана того или иного поэта, либо разбор творчества одного из них (опять-таки, главным образом, на диалекте сорани).

Таким образом, если высказывание замечательного современного курдского поэта Абдуллы Горана о том, что «история курдской литературы — нетронутая целина» справедливо в отношении литературы на южном диалекте, хотя она и насчитывает немало курдов-исследователей, то тем более оно применимо к средневековой курдской литературе на северном диалекте, которая будет предметом наших занятий и до сих пор по своей неизученности занимает совершенно особое место среди литератур народов Ближнего Востока и Закавказья. Только в самые последние годы литература эта становится по настоящему объектом исследования, и мне приятно подчеркнуть, что происходит это именно в Советском Союзе, который в этом отношении продолжает лучшие традиции русского востоковедения и, в частности, курдоведения.

Теперь посмотрим, что происходило на Западе и в России.

⁷ На диалекте курманджи.

Интерес к курдам на Западе возник уже давно — еще в XVIII в. Однако внимание ученых, главным образом, привлекало изучение курдского языка и его диалектов, которое велось на основании записей народной живой речи и фольклорных материалов. Это было несомненным преимуществом, но обстоятельство это имело и свою оборотную сторону: письменные памятники остались вне поля зрения исследователей. На основании этого, а также того факта, что дошедшие до нас сведения о культурном наследии курдов чрезвычайно скудны, многие ученые сочли возможным отрицать наличие всякой культуры у курдов.

Высказывания о курдах как о «дикой народности, лишенной всяких культурных качеств»⁸, о том, что «курд был и есть воплощение всего некультурного»⁹, мы встречаем в трудах таких ученых, как Т. Нёльдеке и Э. М. Катремер. Вслед за ними отдельные ученые провозгласили курдов народом не только не способным к созданию национальной письменной литературы, но и не проявившим никакого интереса к культуре и литературе других народов.

«...У курдов нет письменных памятников, — писал Г. Р. Драйвер. — При ограниченности языка и выразительных его возможностей совсем не удивительно, что курды не сумели создать национальной литературы или хотя бы проявить малейший интерес к литературе вообще»¹⁰.

Однако было немало ученых (В. Диттель, М. Хартман, П. Лерх, А. Жаба, Э. Сон, А. Лекок, Р. Леско, В. Минорский, В. Никитин, Н. Я. Марр, И. А. Орбели и др.), которые знали о существовании курдских письменных памятников и утверждали, что курдский народ — обладатель оригинальной самобытной литературы. Однако, к сожалению, первое мнение настолько возобладало, что отдельные ученые продолжали разделять его до последних лет¹¹.

Путешествуя по Кавказу в середине XIX в., русский ученый В. Диттель был поражен, обнаружив у курдов столь богатую и самобытную литературу. «Я никак не ожидал, — писал он, — чтобы языки племен курдов, так мало исследованные ориенталистами, могли иметь, кроме устной литературы, столь обширную письменную... У курдов есть

⁸ *Quatremère E. M. Notice de l'ouvrage qui à pour titre: Mesâlek fi Memalek al-Amsar // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques. P., 1838. T. 13. Pt. 1. P. 300.*

⁹ *Марр Н. Я. Ещё о слове челеби: (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии) // ЗВОИРАО. 1912. Т. 20. С. 126.*

¹⁰ *Driver G. R. The Studies in Kurdish history // BSOAS. 1922. Vol. 2. Pt. 3. P. 505-506.*

¹¹ *Чикобава А. Введение в языкознания. М., 1953. Ч. 1. С. 203.*

своя литература, литература отчасти оригинальная, отчасти перенесенная с персидской почвы. В ней находим мы множество имен, прославившихся в поэзии и истории»¹².

Огромная, совершенно исключительная заслуга как основоположника изучения истории классической курдской литературы принадлежит русскому ученому и консулу в Эрзеруме середины XIX в. Александру (Августу) Дементьевичу Жаба — талантливому исследователю, энтузиасту-коллекционеру курдских рукописей. Плоды деятельности этого ученого полностью опровергают укоренившееся неверное мнение о курдах как о народе бесписьменном, неспособном к культурному творчеству.

Однако при всем этом следует отметить, что Александр Жаба так же, как и последующий известный курдовед П. Лерх, несколько преувеличивали степень влияния персидской литературы на курдскую и ее зависимость от персидской, умаляя таким образом в какой-то степени самобытность и самостоятельность курдской литературы. Так, П. Лерх прямо говорил, что «у курдов не развилось самостоятельной литературы, потому что им не удалось достигнуть объединения и независимости. Одаренные способностью к восприимчивости и любознательности, они, однако, имели несколько личностей, которым удалось познакомиться с образованностью соседних народностей... Эти народности, влиявшие на умственное развитие курдов, были арабы, персы и турки. Знакомиться с результатами умственных занятий природных курдов не может быть лишено интереса для исследователя курдской народности. В том же отношении важны произведения курдских поэтов. Воспитанные на персидской и турецкой словесности, курдские поэты невольно подражали своим персидским и османским образцам... Поэтому изучение курдского языка имеет значение не в литературном, а в историко-этнографическом отношении. В этом же отношении представляет особый интерес и народная словесность курдов, живущая не в книгах, а в устах самого народа»¹³.

Таким образом, П. Лерх, основываясь в какой-то мере на мнении А. Жаба, отрицал всякую художественную ценность курдского фольклора и литературы, считая, что за исключением поэмы «Мам и Зин» она представляет собой перепевы персидской и турецкой литературы, из которых заимствует художественную форму и образы.

¹² Диттель В. Обзор трехгодичного путешествия по Востоку // ЖМНП. 1847. Ч. 1. Отд. 4. С. 8–9.

¹³ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1868 г. СПб., 1869. С. 159.

Конечно, согласиться с таким утверждением ни в коей мере нельзя. Курдская литература самостоятельна и глубоко самобытна, не зирая на значительную степень влияния, которое неизбежно оказывали на нее литературы соседних народов (особенно персов).

Сильное влияние традиции ислама на курдскую культуру было неизбежным, так как Курдистан (я употребляю этот термин в географическом значении), также как и территории других стран, начиная с VII в. стал частью исламской империи.

Влияние арабской культуры на курдскую литературу сказалось прежде всего в проникновении в литературу религиозных мотивов. Кораническая традиция привнесла в курдскую литературу и язык множество арабизмов и религиозных терминов; влиянием культуры арабов, обладавших единым литературным языком с богатыми литературными традициями, уходящими в глубокую древность, можно объяснить и то обстоятельство, что многие деятели курдской культуры посвятили себя изучению различных областей ислама.

Сильным было, конечно, и влияние персидской культуры на курдскую. Богатейшая персидская литература, пользовавшаяся совершенно исключительной популярностью на всем Ближнем и Среднем Востоке и в Закавказье, высоко ценилась и в курдской среде. Знание персидского языка и литературы считалось совершенно необходимым для всякого курда, посвятившего себя поэзии. Влияние арабско-персидской поэзии сказалось прежде всего в заимствованиях — лексических, художественно-образительных, сюжетных, и, наконец, влияние это сказалось и в попытке (не совсем удачной, как мы увидим) приспособить арабско-персидскую систему стихосложения — аруз к метрике курдского стиха.

И всё-таки курдская литература развивалась самостоятельными путями. Даже создавая литературные произведения на заимствованные сюжеты («Лейли и Меджнун», «Юсуф и Зелиха», «Шейх Сан`ан»), курдские поэты сумели придать их героям национальные черты, отразить в них дух, быт, мировоззрение и психологию своего народа. В этом — самобытность и оригинальность курдской литературы.

Отличительная черта курдской литературы во все времена — теснейшая, глубокая и органичная связь с фольклором, взаимопроникновение литературы и фольклора. Это явление резко отличает курдскую литературу от персидской.

Конечно, эти неверные положения, высказанные П. Лерхом и А. Жаба, отнюдь не умаляют той огромной ценности и значения

их работ для истории курдской культуры. Нельзя забывать, что именно эта плеяда русских ученых (В. Диттель, А. Жаба, П. Лерх) впервые открыла существование курдской письменной литературы. Они сумели провозгласить это утверждение, преодолев всю тяжесть существовавшего мнения о том, что курды лишь «дикие племена», начисто лишенные не только национальной культуры, но даже и способности к восприятию всякой культуры вообще. Но подняться до надлежащего признания художественной ценности курдской литературы и фольклора им было невозможно. Выше всех поднялся в этом отношении Александр Жаба, который интуитивно понимал высокую художественную ценность устного и письменного творчества курдов, ибо он больше всех остальных занимался этими вопросами. Прямых высказываний об этом у него нет, но по его выбору тех или иных произведений, которые он выделял из числа остальных, по тому, как он их записывал, видно, что внутренне он глубоко чувствовал красоту и художественную ценность курдской поэзии, и народной, и письменной.

Вообще, надо сказать, на первом этапе изучения курдской литературы, так же как и любой другой дисциплины, интуиция ученого сыграла огромную роль и помогла сделать великие открытия. Ярким примером тому служит известный крупный востоковед и курдовед академик И. А. Орбели, который всю жизнь искал рукопись поэмы «Мам и Зин», принадлежащей перу замечательного курдского поэта Ахмеда Хани, но безуспешно. Иосиф Абгарович никогда не читал «Мам и Зин», но на основании услышанного о ней от самих курдов и тех небольших отрывков, которые он слышал в исполнении дангбежей — курдских певцов-сказителей, И. А. Орбели интуитивно понял величие Ахмеда Хани и сделал настолько верные высказывания о его поэтическом таланте, что ни одно исследование, основанное на тщательном изучении источника, не сможет не учитывать и не опираться на высказывания ученого.

Другой пример верности интуиции явил собой Альберт Социн. Сто лет назад он записал из уст одного курда фольклорную версию поэмы «Юсуф и Зелиха», пророчески высказав предположение, что когда-нибудь будет обнаружена учеными самобытная курдская литературная версия, созданная на этот сюжет. И действительно, в колллекции Александра Жаба мы находим рукопись курдской литературной версии поэмы «Юсуф и Зелиха», принадлежащей перу до последних лет неизвестного курдского поэта XVI столетия Селима Слемана. Как видите, интуиция бывает верным помощником в исследованиях.

Плеяда таких видных востоковедов, как А. Жаба, М. Хартман, П. Лерх, В. Диттель, А. Лекок, а впоследствии Н. Я. Марр и И. А. Орбели, а еще позднее О. Л. Вильчевский, заложила основу изучения истории курдской литературы. Каждый из них внес свой более или менее значительный вклад в эту область: одни — изданием памятников (М. Хартман, А. Лекок), другие — собиранием рукописей и опросных сведений, третьи — своими высказываниями. Как бы то ни было, но всем им и, конечно, больше всех Александру Жаба курдский народ обязан сохранением замечательных памятников своей духовной культуры. Не будь этих ученых, может быть, и до сих пор в науке господствовало бы мнение о курдах как о «дикий народности», не способной к созданию национальной культуры.

ESSAYS ON MEDIEVAL KURDISH LITERATURE

by Margarita B. Rudenko

SUMMARY

Margarita B. Rudenko (1926–1976) was a brilliant representative of our country in the field of Oriental studies, the founder of a new direction in Kurdology – the exploration of Kurdish medieval literary manuscripts written on the dialect of Kurmanji. In the mid-1950s, she discovered in the State Public Library named after M. Ye. Saltykov-Shchedrin a unique collection of Kurdish manuscripts gathered by Alexander D. Zhaba (August Kościeszka-Żaba), a prominent scholar of Polish origin and the Russian consul in Erzurum (Turkey). The edition and study of this collection became her lifework. She published the catalogue of Kurdish manuscripts (Moscow, 1961), the first one in the history of Kurdology. M. B. Rudenko revealed for science a number of names and works of the Medieval age: the poems «Sheikh San'an» by Faki Teiran (14th century) (Moscow, 1965), «Layla and Majnun» by Kharis Bitlisi (18th century) (Moscow, 1965), and «Yusuf and Zulaikha» by Selim Sleman (16th century) (Moscow, 1986). With her publications M. B. Rudenko reconstructed the whole sections of the history of Kurdish medieval literature, and Selim Sleman's poem filled up a vast lacuna in the 16th-century Kurdish literary history. For the first time in the world she performed a translation of the poem «Mem and Zin» by Ahmad Khani, the outstanding Kurdish poet of the 17th century, into a foreign language – the Russian (Moscow, 1962).

The present book is a course of lectures in medieval Kurdish literature delivered by M. B. Rudenko at the Yerevan University Faculty of Oriental Studies in april 1970, which is kept in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg. Such a course was worked out in our country for the first time, it was done to understand the accumulated knowledge. Many thoughts and conclusions scattered in M. B. Rudenko's publications were brought together, concentrated and summarized. This edition includes 12 sections, starting with an introductory lecture dedicated to the general information about the Kurds and Kurdistan and ending with lectures about the creative work of Ahmad Khani, the 18th-century poets Kharis Bitlisi and Murad-Khan Bidlisi, as well as short notices concerning the 18th – early 19th century poets writing on the dialect of Gorani.

In the supplement there are published «Materials and outlines for a lecture “The Kurds: everyday life, customs, habits, and culture”». The lecture was delivered by M. B. Rudenko at the Leningrad Branch of the Institute for Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR in 1970. This work is extremely valuable because the author describes all that she saw, watched (in particular, a wedding), felt, and experienced what she was the witness. In the 1950–1960s M. B. Rudenko repeatedly visited Kurdish villages of Armenia, Georgia and Middle Asia (especially interesting was her journey to the Kurds of Turkmenistan). The lecture materials are imbued with boundless love, liking and sincere feelings to the Kurdish people.

Содержание

О научном наследии М. Б. Руденко	5
Введение	25
Александр (Август) Дементьевич Жаба и его уникальная коллекция курдских рукописей, собранная с помощью соратника А. Жаба — Мела Махмуда Баязиди	34
Примерная периодизация. Определение предмета курса. Проблема лакун. Сведения о ранних литературных памятниках. Формы и размеры классической поэзии.	40
Али Термуки и проблема датировки. Грамматика Али Термуки. Али Харири и проблема датировки. Газель Али Харири. Суфизм. Основные течения. Суфийская поэзия. Суфизм в курдской среде и в поэзии. Баба Тахир	54
Факи Тейран	81
Мела Бате	98
«Замбильфрош» — образец городской литературы	104
Мелае Джизри	118
Ахмед Хани	132
Харис Битлиси и его поэма «Лейли и Меджнун»	184
Мурад-хан Баязиди и приписываемая ему поэма «Замбильфрош»	207
Арделанская литература.	212
Список использованных источников и литературы.	223
Список сокращений.	228
Приложение	
М. Б. Руденко. Материалы и наброски для лекции «Курды: Быт, нравы, обычаи и культура»	229
Легенда о происхождении курдов (Зохах).	231
О специфике курдской проблемы	232
Характер	235
Религия	239
Езиды.	241
Быт, нравы, обычаи	244
Указатели	
Указатель имен и династий.	262
Указатель географических и топографических названий	269
Указатель непереуведенных слов и терминов	272
Указатель этнических названий	274
Указатель названий произведений курдских авторов	274
Summary	277

Contents

On the scientific heritage of M. B. Rudenko	5
Introduction	25
Alexander (August) Dement'evich Zhaba and his unique collection of Kurdish manuscripts gathered with the assistance of his comrade, Mela Makhmud Bayazidi	34
Approximate periodization. Definition of the course subject. Problem of lacunas. Information about early literature writings. Forms and metres of the classical poetry	40
Ali Termuki and the problem of dating. Ali Termuki's grammar. Ali Khariri and the problem of dating. Ali Khariri's ghazal. Sufism. The main trends. Sufi poetry. Sufism in the Kurdish milieu and poetry. Baba Takhir	54
Faki Teiran	81
Mela Bate	98
«Zambilfrosh» — a pattern of town literature	104
Melae Dzhizri	118
Akhmed Khani	132
Kharis Bitlisi and his poem « Layla and Majnun»	184
Murad-khan Bayazidi and the poem «Zambilfrosh» attributed to him	207
Ardalan literature	212
List of used sources and literature	223
List of abbreviations	228
Supplement	
<i>M. B. Rudenko</i> . Materials and outlines for the lecture	
«The Kurds: Everyday life, customs, habits, and culture»	229
Legend of the origin of the Kurds (Zokhak)	231
On the specifics of the Kurdish problem	232
Nature	235
Religion	239
The Yazidis	241
Everyday life, customs, habits	244
Indices	
Index of personal names and dynasties	262
Index of geographic and topographic denominations	269
Index of untranslated words and terms	272
Index of ethnic names	274
Index of titles of the Kurdish authors' works	274
Summary	277

Научное издание

Руденко Маргарита Борисовна

**ОЧЕРКИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУРДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Подготовка рукописи к изданию,
предисловие, примечания, указатели Ж. С. Мусаэлян

ПРИЛОЖЕНИЕ

**М. Б. Руденко. Материалы и наброски для лекции
«Курды: Быт, нравы, обычаи и культура»**

Корректор *Н. В. Пивоварова*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать 14.11.2014. Формат 60 × 90^{1/16}.
Усл. печ. л. 17,5. Тираж 100 экз. Заказ № 519.

Издательство «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А

Отпечатано в типографии «ООО “Контраст”»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А

Очерки
Средневековой
курдской
литературы

ISBN 978-5-4380-0088-4

9 785438 000884